

ПОХОДНЫЙ СБОРНИК

ДЕСЯТЬ ПЕРВЫХ

ПОСЕВ
1945

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
Кирилла Дмитриевича
ВЕРГУНА

...Тяжело писать: еще не улеглась острая боль, еще хочется кому-то жаловаться на несправедливость.

...Низкие, давящие своды берлинской тюрьмы. Полутьма. Шаркающие шаги. Допрос окончен. Впереди опять недели одиночества, продуманных издевательств, изнуряющего голода. Разговаривать нельзя, но Кирилл успевает бросить несколько слов. Лишь несколько слов, а какая вера в победу, какая жизнеутверждающая сила в этих словах. И становится как будто светлее, и не так безнадежно звонит замок в дверях одиночки...

...Он бесконечно любил свою Родину и твердо верил в торжество справедливости, в победу над злом. Любовь и Вера были для него источником непоборимой твердости духа, яркого увлекающего горения. Он щедро делил это с другими и рядом с ним было легче и светлее идти.

...Он жил для Родины и поэтому не умер для нас. О таких, как он,

Не забудут и скажут внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
"Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие - где?"

...Тяжело писать: еще не улеглась острая боль, еще хочется кому-то жаловаться на несправедливость.

Е.О.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
РОССИЯ вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

А.С.Пушкин

П О Х О Д Н Ы Й С Б О Р Н И К

(Десять первых)

К. СИМОНОВ

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко,
И умер, - сам себе привив чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь любил он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкой с "Ньютона",
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытал последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав проэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы.

Нет, мне не жаль всех тех, кому свинец,
Огонь, вода, чумные карантинны,
Вписали неожиданный конец
В их опыты, полеты и картины.

Мне жаль того живого мертвеца,
Который без волнений и терзаний,
Еще при жизни дожил до конца
Своих, гроша не стоящих, дерзаний.

А. Сиверский

Поэт, вчekanь в скупые строфы,
Стихом своим запечатлей
Картину нынешней Голгофы -
Распятые Родины твоей.

В твоём воскреснут описанья
И в ужасе ты будешь прав/
Опять голгофские страданья
Евангельских последних глав.

Был Иисус в гробу трехдневен
И в третий день из гроба встал.
Ему с акафистом молебен
Из уст апостольских звучал.

Поэт, настанет час - и все мы,
Переборов года невзгод,
Дополним стих твоей поэмы
Рассказом, как воскрес народ.

Георгий Полошкин.

Корку хлеба дали мне и воду,
И сказали, что мой дом тюрьма.
Здесь учусь ценить тоску свободы,
Здесь узнаю, что такое тьма.

По ночам изорванное небо
Сквозь решетку льет сырую грусть...
Я не знаю - был я, или буду
В той стране, что называют "Русь"

Я не знаю - буду ль на свободе...
Только, вера за стеной сильна
В ту страну, где солнце не заходит
В тех людей, что породит война.

Я не знаю, вырастут ли травы
В тех местах, где выжжена земля,
Но я верю, что бессмертной славой
Зазвенят родимые поля...

И когда подкрался сумрак серый,
На заре, к окошку моему,
Я увидел, как мою верой
Озарил рассвет мою тюрьму.

Сентябрь 1944
Бреславль - тюрьма

Н. Туроверов

Пусть жизнь у каждого своя,
Но нас роднит одна дорога.
В твои края, в мои края
Она ведет во имя Бога,
Во имя дедов и отцов
И нашей юности во имя.
Мы повторяем вновь и вновь
Сияющее, как любовь,
Незабываемое имя
Страны вскормившей нас с тобой,
Страны навеки нам родной.
В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы
Возврата к ней - и только к ней -
Единственной в чужом нам мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей.

С. Есенин

Гой, ты Русь, моя родная -
Хаты, в ризах образа...
Не видать конца и края,
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрел в твои поля,
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас,
И гудит за корогодом
На полях веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу как сережка
Прозвучит веселый смех.

Если крикнет рать святая:
- Кинь ты Русь, живи в раю.
Я скажу: - Не надо рая,
Дайте Родину мою.

А. Блок

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шнеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви.

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несут...
Какому хочешь чародею,
Отдай разбойную красу.

Пускай заманит и обманет -
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что-ж. Одной заботе боле -
Одной слезой река шумней,
А ты все та же - лес, да поле,
Да плат узорный до бровей.

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика.

Ф.И.Тютчев

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный безобразный сон:
В крови до пят мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц диятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла...
Нет, никогда так дорезко правду Божью
Людская кривда к бою не звала...

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова -
Все поднялось и все грозит тебе.

И, О, край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней,
Велико, знать, о Русь, твое значенье,
Мужайся, стой, крепись и одолей.

В.Гальской

Не проклиняйте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы - не вы.
Мы не горели в чайни победы
И не теряли в бегстве головы.

Мы тоже помним, но иная память
Растет и ширится в живых сердцах,
Она горит и ширится как пламя
И стелет ранний пепел на висках.

Мы всюду лишние, нам все чужое,
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И запада величье и позор.

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,
Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдем опять в опустошенный дом.

Тогда из хаоса раз'единенья
Согласно русская полхнет речь.
Вновь процветут заглохшие селенья
И в мирный серп перекуется меч.

М. Волошин

ЗАКЛЯТИЕ

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений ..
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куёт ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

Н. Гумилев

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яств земного
В этот странный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

КИРИЛЛ ДМИТРИЕВИЧ ВЕРГУН

род. 7.5.1907, умер 17.4.1945

Петербург хоронил первые жертвы революции, когда десятилетний Кирилл покидал столицу. Четыре страшных года проводит он в Калуге - 1917-1921 - в кольце преследований, голода и смерти. Прикованный на целый год тяжелой детской болезнью к постели, он читает много и быстро развивается. Новый, чуткий мир открывается в нем. В дни голода, собирая с сестрами в поле драгоценные колосья, он скорбит обо всех голодающих и любит страстно, по-детски, страдающую Родину.

В 1921 году родители его увозят за границу, сначала в Ригу, а затем в Чехословакию, где он и кончает блестяще Русскую Реальную Реформированную гимназию в Праге. Дальше - Университет. В 1933 году диплом инженера - строителя. Но любящий свою специальность, научившую его думать и воспринимать жизнь ясно и строго, талантливый и энергичный, он пренебрегает выгодами предоставляемыми ему возможной карьерой. Он творит, он строит, возвышаются его зернохранилища и мосты, его труд "Проблема орошения Арало-Каспийской впадины" признается Союзом Русских Инженеров в Германии образцовым... но душу свою он отдает иному делу. Русскому делу. России.

Потрясенный контрастом скудной, безотрадной жизни на Родине и изобильной жизни избалованных европейцев, он с детских лет чувствует ответственность перед Россией и неизбежность борьбы за Справедливость. Будучи еще гимназистом, он пишет в журнале "Русская Мысль". В "Русском Соколе" он в течение многих лет деятельнейший работник. Живя с 1936 года в Югославии, он сотрудничает в русских газетах и работает над трудами социального и политического характера. В ущерб личной

жизни он неутомимо отдает каждый свободный миг русскому делу. В 1941г. он переезжает в Берлин, где начинает свой ценнейший философский труд "Критика практики материалистов". К сожалению, труд его не был закончен, когда, 24 июня 1944г., он был арестован нацистами.

Любящий солнце и жизнь, он провел почти целый год в гнилых подвалах полуразрушенных берлинских тюрем и немецких концлагерях.

В ночь на 17 апреля 1945г. он трагически погиб в Пильзене...

И трудно сейчас оценить всю суровость этой потери для русского дела, для так страстно любимой им России.

Цена 1 марка

Approved by UNRRA team 505.

Издательство „ПОСЕВ“. Менхегоф. 1945.

Заказ № 85. Тираж 250.